

БАРДЫ И МАСОНЫ: О РУКОПИСНЫХ ПОМЕТАХ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ *ОССИАНА* В ТУРГЕНЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ (ПАРИЖ)

RIVA EVSTIFEEVA
UNIVERSITÉ DE STRASBOURG
professoressa.riva@gmail.com

Received: October 2022; accepted: November 2022; published online: December 2022

A copy of the first book-size Russian translation of Ossianic cycle (1792) kept in Turgenev Library in Paris has handwritten notes on it. The article draws attention to them for the first time. Their analysis permits to rise the question of the existence of a Masonic reception of Ossian in the 18th and early 20th centuries.

Keywords: Turgenev library in Paris; Ossian; freemasonry in the 18th century; reception studies; translation studies

Всемирный успех *Песен Оссиана* – мистификации Джеймса Макферсона, свободно переработавшего ирландский и шотландский фольклор, – затронул и Российскую империю, с незначительным отставанием по сравнению с наиболее влиятельными в культурном плане странами Западной Европы¹. Русскоязычные переводчики конца XVIII – начала XIX века (период наибольшей популярности Оссиана) уступают в активности только немецким и совсем – незначительно – французским². Изучение восточного рубежа оссианической моды привело нас к знакомству с экземпляром *Оссиана, сына Фингалова* (Москва, 1792), хранящимся в Тургеневской библиотеке в Париже. Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот рукописные пометы на этом экземпляре, изучение которых позволит уточнить историю русскоязычной и – шире – европейской рецепции оссианического цикла.

¹ Благодарю Сару Дикинсон за помощь в анализе текстов и в изучении рецепции «Оссиана». Без нашего плодотворного интеллектуального обмена данная статья бы не состоялась.

² К 1800 году вышло 36 переводов различных текстов оссианического цикла на немецкий, 12 – на французский, 11 – на русский. Следуют с небольшим отрывом голландские переводы (7); на остальных языках существуют только единичные переводы. Популярность поэм Макферсона у немецких переводчиков объясняется во многом их идеологическим прочтением – антифранцузским и антилатинским, – а также созвучием эстетическим исканиям поэтов Бури и натиска.

1. Экземпляр

Тургеневская библиотека³ – общественная организация, основанная в Париже около 1875 г. группой студентов и в особенности студенток из Российской империи, нашедших в Европе возможность получать высшее образование после того, как при начале александровской реакции им был окончательно закрыт приоткрывшийся в конце 1850-х доступ в высшие учебные заведения Петербурга. Многие из них входили в революционные круги – из четырех студенток, участвовавших в создании библиотеки, это точно известно о двух: Надежде Скворцовой, входившей до этого в кружок Чайковцев (он же “Большое общество пропаганды”), и Зинаиде Корали, гражданской супруге революционера Г. А. Лопатина. Обе девушки постоянно упоминаются в корреспонденции П. А. Лаврова как его помощницы в деле издания и распространения подпольного журнала *Вперед!*. Писатель И. С. Тургенев согласился помочь в деле открытия читальни для русских эмигрантов: не разделяя социалистических идеалов, он регулярно помогал различным антимонархическим начинаниям, включая тот же журнал *Вперед!* и еще более революционную читальню в Гейдельберге. После смерти писателя в 1881 г. парижской читальне присвоили имя Тургенева. На протяжении всего XX века *Тургеневка* была самой значительной библиотекой русской эмиграции разных волн; и в последние месяцы принимает в своих стенах новых политэмигрантов⁴.

Нынешний фонд библиотеки составлен за малым исключением, из книг, поступивших после 1959 года – когда пережившие Вторую мировую войну члены правления решили воссоздать библиотеку, прежние фонды которой были в 1940 г. вывезены в Берлин, а оттуда – в Советский Союз. Лишь небольшая часть изначального фонда вернулась в Париж, уже после развала Советского союза; отдельные книги были спасены в самом Париже от разгрома, оставшись в руках библиотекарей или читателей.

Песни Оссиана – самая старая русскоязычная книга Тургеневской библиотеки. Книги дореволюционной печати в фондах библиотеки довольно многочисленны, а пути их попадания на ее полки – исключительно разнообразны: дары, приобретение личных фондов на аукционах, передача Тургеневке фондов закрывшихся эмигрантских учреждений, включая общественные библиотеки... Многие из книг несут на своих страницах дарственные надписи, пометки, наслаивающиеся друг на друга печати различных организаций, рукописные и печатные экслибрисы, что делает из нее хранилище не только интеллектуального богатства, но и культурных ценностей музейного типа.

Экземпляр *Песен Оссиана* – не исключение. Его форзацы испещрены пробами пера и владельческими надписями. На 2 странице заднего форзаца читаем: “Федоръ Панцыревъ”, “Сушковъ”, “Сушков” (другим почерком), “Димитревъ 1924 год март 26 дня” – обращает на себя внимание постепенная эволюция почерков и орфографии.

³ См. об истории библиотеки: Гладкова, Осоргина 2012; Олесич 2014. О судьбе довоенного (до 1940 г.) фонда библиотеки см. также Grimstead 2003.

⁴ В нее заходят и беженцы из Украины, которым предлагаются специальные льготные условия и отдельные меры поддержки.

Там же несколько раз повторяется в чуть разной манере, хотя и одним почерком, надпись “Андрей Мищенко”⁵; в одном случае в сопровождении отчества “Юозифовичъ” и даты “1924 года 29 дня” (без указания месяца). В данном случае граница между пробой пера и владельческой надписью особенно тонка – автор несомненно упражнялся в наиболее элегантно начертании собственного имени, и проставил также дату. По опыту работы с рукописными пометами XVIII-XIX вв. на книгах я предполагаю, что речь идет о моменте, когда книга поступила во владение автору надписи; хотя, конечно, феноменология рукописных помет всегда оставляет место множественности гипотез. На первой странице заднего форзаца тем же почерком элегантно выписано “André Iosifoff Mistchenko 1924 годъ 29 мар[та]”. Обращает на себя внимание архаичная форма отчества во французском написании. Автор этих надписей, очевидно, к 1924 году находился во Франции и, вероятно, именно тогда стал владельцем этой книги, хотя за несколько дней до этого она, по-видимому, переходила в собственность другого человека.

Наиболее интересная и информативная надпись находится на второй странице переднего форзаца. Она гласит:

19/III/1921 г.

Марта сего года

Сынъ Фингаловъ зарождение масонства въ Великой Единой России 1792мъ году

Автор этой надписи всерьез, с глубокой идеологической нагрузкой использует наименование “Великая Единая Россия” (предпочитая его наименованиям “Россия” или “Российская Империя”): это значит, что он принадлежит к правым кругам русской эмиграции. На то, что надпись сделана в эмиграции, указывают и дореформенная орфография, и упоминание масонства вне контекста видимого осуждения. То, что дело происходит в Советской России, не невозможно, но требует стечения исключительных обстоятельств (автор скрывается, прячет книгу от чужих глаз, делает надпись, понимая, что в ней минимум три расстрельных элемента, и т. д.).

Трудно сказать, относится ли автор надписи с симпатией к идее *зарождения масонства* (начало катастрофы? светлый момент в истории страны? нейтральный исторический факт?). Наиболее правые круги эмиграции относились к масонству с резкой неприязнью⁶; менее радикально настроенные монархические круги могли, наоборот, посещать ложи – так, ложа “Северное сияние” состояла из офицеров Белой

⁵ Пока не удалось идентифицировать авторов этих надписей. Никто из них не был видным деятелем эмигрантской культурной или политической жизни.

⁶ Ильин в посланной Врангелю в 1923 г. *Записке о политическом положении* характеризует следующим образом Н. Е. Маркова, председателя Высшего монархического совета: “Он силен волею и темпераментом, грубо умен и грубо хитер, интрига его топорна; очень властолюбив и малообразован; одержим антисемитизмом и масонобоязнью” (см., напр., Ильин 2004, 259). Сам Ильин известен активной поддержкой немецкого национал-социализма, при котором – как и при Советской власти – масонство было запрещено.

армии⁷. Отказ от националистических идей был важной составляющей масонства как организации подчеркнуто международной; что, однако, не исключает широкого разнообразия во взглядах отдельных масонов (так, в том же Париже были ложи многонациональные, включавшие русских, украинцев и евреев, как например “Астрей”, и “мононациональные” – как упомянутое выше “Северное сияние”)⁸.

Таким образом, нельзя, к сожалению, судить о том, был ли автор надписи антимазонски настроенным радикально-правым монархистом или умеренно-правым масоном из среды Белого движения.

Несомненно одно – он связывает в своей записи зарождение масонства в России и публикацию в 1792 г. *Оссиана, сына Фингалова*.

Насколько правомерно такое соположение?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим перевод Кострова в контексте российской и европейской рецепции *Оссиана*, а затем укажем на вероятные точки соприкосновения костровского текста с масонским движением в России.

2. Место Кострова в европейской рецепции *Оссиана*

Как часто случается с произведениями, получившими крайне широкое распространение, оссианический цикл в разных культурно-исторических контекстах читался очень по-разному. Так, фундаментальный труд о рецепции сочинений Макферсона в Германии (Schmidt 2003) делится на главы, каждая из которых описывает разные (и очень непохожие друг на друга) типы чтения: эстетическое, политическое, этическое и так далее. Исследователи, впрочем, подчеркивают, что такому разнообразию способствовал и характер текста: так, например, он заинтересовал и тех, кто стремился к имитации классических текстов, особенно Гомера, и следовал классической ясности и торжественности⁹, – и борцов с классическим наследием в пользу национального и средневекового (Schmidt 2003, 435). Специалист по творчеству и личности Макферсона, Д. Мур, подчеркивает, что Оссиан – это “complicated and unstable cultural artifact” (Moore 2000, 45), но во многом именно внутренние противоречия – в сочетании с синтаксической простотой – позволили этим текстам стать достаточно универсальными для международной моды.

В Россию Оссиан попадает несколькими дорогами. Его читали, несомненно, на разных языках (коллекцию первых свидетельств о чтении Оссиана в России можно найти у Ю. Левина) (Левин 1980); в том, что касается переводов на русский – первый фрагмент цикла появляется на русском языке внутри перевода книги Гете *Страдания молодого Вертера* в 1781 г., затем следует перевод А. Дмитриевым, братом поэта,

⁷ См. описание и список участников ложи в словаре *Русское масонство* (Серков 2001, 1193).

⁸ Одновременное наличие в большом идейном движении интернационалистических и националистических тенденций не удивительно; в Советской России такое же противоречие было в порядке вещей.

⁹ “Dr. Blair had in his “Critical Dissertation” undertaken to make a comparison of the characteristics of the work of Ossian and Homer, and nowhere did his conclusion fall upon more willing ears than in Germany” (Tombo 1901, 72).

французского переложения некоторых фрагментов в 1788 г. (Choix 1771, Дмитриев 1788). В 1791 г. Н. Карамзин, *отец русского сентиментализма* и во многом – русско-го литературного языка, публикует в издававшемся им *Московском журнале* еще два фрагмента (Картон 1791, Сельские песни 1791)¹⁰.

Наконец, первый относительно полный перевод оссиановского цикла опубликован Е. Костровым в 1792 г. (Костров 1792) – именно его экземпляр находится в Тургеневской библиотеке. Костров опирался на французский перевод Латурнера (Le Tourneur 1777) – особенно часто служивший базой для дальнейших переводов.

Таким образом, песни Оссиана приходили в Россию как непосредственно из Англии, так и через немецкое и французское посредство.

Фрагменты и отдельные песни публиковались преимущественно в журналах Карамзина – *Московском журнале* и *Аонидах* (Капнист 1796, Кайсаров 1797, Вышелавцев 1798-1799). Отдельное издание *Песен древних бардов* А. Дмитриевым – тоже продукт Карамзинского круга. С этим же кругом связан, хотя и менее прямо, журнал *Приятное и полезное препровождение времени*, где был опубликован еще один фрагмент в переводе Н. Смирнова (Смирнов 1795).

Перевод, выполненный Костровым, напротив, ясно соотносит текст с гомеровской поэтикой. Полный церковнославянизмов, он изобилует к тому же сложносоставными эпитетами. Приведем в качестве примера фрагмент из поэмы *Фингал* в переводах Кострова и Смирнова вместе с оригиналами, на которые опирались оба переводчика:

Таблица 1 - Сравнение переводов. «Фингал», фрагмент

<i>Macpherson 1760</i>	<i>Le Tourneur 1777</i>	<i>Костров 1792</i>	<i>Смирнов 1795</i>
Three [deers] have I slain with my bow; three with my panting dogs.	Trois fois j'ai bandé mon arc, & j'en ai ter- rassé trois. Trois autres ont été la proie de mes dogues légers.	Три крaты напрягаль я лукъ мой, и пора- зиль трехъ еленей. И еще три были ко- рыстию моихъ псовъ быстротекущихъ.	Трехъ [сернь] убиль я изъ тугаго моего лука. Трехъ достигли борзые псы мои.

Латурнер превращает эллиптические конструкции Макферсона в прозрачную, но салонную речь: вместо “тяжело дышащих от бега собак” у него в “легких догов”. Смирнов тоже сглаживает и банализует метафору – и выводит на сцену “борзых псов”, вполне естественных в сцене охоты. Напротив, у Кострова они “быстротекущие”. “Елени” вместо “олений” и “корысть” в значении “добыча” – архаизмы¹¹.

Еще один фрагмент для сравнения – из поэмы *Смерть Оскара*.

¹⁰ В том же году там появляется адаптация-комбинация двух французских переводов из Оссиана (Дмитриев 1791). Ее автор – брат Александра Дмитриева, поэт Иван Дмитриев, позднее – министр юстиции.

¹¹ Что касается “корысти”, то Фасмер указывает “добычу” как изначальное значение слова (см. электронное издание <https://lexicography.online/etymology/vasmeг/к/корысть> – последнее обращение 29 сентября 2022). В соответствующей статье Словаря русского языка XVIII в. значение “добыча” отмечается у Тредиакковского и Радищева, а “жажда обогащения” – у Волчкова в переводе с французского и у Княжни-

Таблица 2 - Сравнение переводов. «Смерть Оскара», фрагмент

<i>Macpherson</i> 1760+1762	<i>Choix</i> 1771	<i>Le Tourneur</i> 1777	<i>Дмитриев</i> 1788	<i>Костров</i> 1792
Dermid and Oscur were one. They reaped the battle together.	Toscar & Dermid n'avoient qu'un même coeur. Ils moissonnoient ensemble les lau- riers de la victoire dans les champs de bataille.	Oscar & Dermid n'avoient qu'un cœur. Ils moisson- noient ensemble dans le champ de bataille.	Тоскаръ и Дер- мидъ имѣли еди- ное сердце, они вмѣстѣ пожина- ли лавры побѣдъ на поляхъ битвы.	Оскаръ и Дер- мидъ одно имѣ- ли ердце. тѣ ра- тоборствовали они въ поляхъ брани;

Здесь вновь смелая метафора у Макферсона: “пожинали в битвах” в значении “побеждали”. Анонимный французский переводчик¹² разъясняет ее, подставляя объект – “пожирная лавры”; это решение поддерживает Дмитриев. Напротив, Латурнер здесь решает сохранить метафору – и Костров, опирающийся на его текст, от метафоры отказывается, но выбирает вместо нее составной и крайне архаичный глагол “ратоборствовали”. Наконец, там, где Дмитриев пишет “битвы”, Костров ставит более архаичную “брань”.

Очевидно, что стиль Кострова отличается архаизирующей и торжественной окраской на фоне изящных, но более современных переводов карамзинского кружка. Костров, впрочем, мог писать и в манере, более близкой *новаторам*: крестьянин по происхождению, он вынужден был работать то в легкомысленном карамзинском стиле (“Лети и с нежностью гвоздичку поцелуй”, Костров 1792), то в тяжеловесном одическом. Его *Оссиан* отражает эту вторую манеру. Характерно, что к моменту выхода *Оссиана* он уже выпустил перевод первых 6 песен *Илиады* (Костров 1787).

Такое разграничение в рецепции *Оссиана* – тяготение к сентиментализму vs к классицизму – характерно и для других европейских стран. Оно находит выражение не только в стилистическом облике текста, но и, например, в роли женских образов. Поэмы Макферсона насыщены, с одной стороны, персонажами-воинами, в центре действия постоянно находятся сражения, героев убивают настолько последовательно, что в конце в живых остаются только убежденный сединой бард *Оссиан* и юная Мальвина. Тем не менее, среди персонажей есть и женщины, причем, действующие очень активно – они надевают доспехи и идут в бой, чтобы защитить любимого (Комала), или же показывают свое искусство в стрельбе из лука (безымянная “дочь Дарго”)¹³. Кроме того, и персонажи-мужчины проявляют широкую гамму чувств – настолько широкую, что Д. Мур отмечает в этих текстах “heroic incoherence” (Moore 2000).

на. Набор авторов заставляет думать об архаизирующем, близком церковнославянскому, употреблении в первом случае и о “новаторстве” во втором.

¹² Ван Тигем специально разбирает вопрос о личности автора и упоминает гипотезу о том, что Латурнер мог быть автором и этой подборки тоже, но отвергает ее: Van Tieghem 1917, 248.

¹³ См. о женских образах в *Оссиане*: Shields 2016.

Во Франции, согласно Р. Горалка, образы оссиановских женщин-воительниц, зурпирующих мужскую роль (в чем сам Макферсон, по всей видимости, видел элемент, типичный для эпической традиции – как скандинавской, так и более поздней возрожденческой), популярны при Старом режиме, где еще жива культура салонов и женщин – властительниц дум; напротив, Революции нужны прежде всего женщины-матери, рождающие новых воинов и защищенные домашним кругом; а Наполеоновской армии – вообще только сами воины, причем, повязанные горячей дружбой – образцы для нее тоже представляли герои песен Оссиана (Goralka 2019). Для немецкой рецепции Шмидт также отмечает разнообразие по вопросу о принятии/критике макферсоновских вираго: для некоторых авторов они были доказательством близости к древним скандинавам, а значит – символом германского единства; для других – обилие разговоров о чувствах и рыдающих персонажей относило Макферсоновские тексты в разряд *чтения для дамских комнат* (Schmidt 2003, 425–434). Внутрибританская рецепция тоже была далеко не единой по этому вопросу; нас в данном случае интересует однако специфическое направление рецепции Оссиана, которое можно назвать *военным*.

Это направление в исследовательской литературе практически не освещено, хотя отдельные его примеры широко известны. Так, Наполеон носил с собой одно из переизданий итальянского перевода *Оссиана*, выполненного Мелькиором Чезаротти (Cesarotti 1763). В русской литературе начала XIX в. одним из наиболее заметных следов влияния *Оссиана* считается *Певец во стане русских воинов* Жуковского. Примеры можно множить: очевидно, что прочтение *Оссиана* вне дебатов о развитии литературы и экспериментов с *новой* чувствительностью – в, напротив, военно-патриотическом контексте играло важную роль в распространении оссианических мотивов и стилистических приемов.

Перевод Кострова вписывается, на мой взгляд, именно в это направление. Доказательством тому служит помещенное в начале книги стихотворное посвящение Суворову.

Посвящение это (не становившееся еще предметом анализа, но заслуживающее его) отражает, несомненно, стандартную динамику патрон-клиентских отношений: это была очередная торжественная ода влиятельному государственному деятелю, далеко не единственная в карьере Кострова¹⁴. Оссиан в этом тексте описан как “пѣвецъ, герой, владыка”, а происходящее в его поэмах – как “грозны виды браней, / Мечи сверкающи лучемъ изъ бурныхъ дланей” (то есть сцены сражений и блистающие мечи в руках воинов). В барочных посвящениях литературных произведений влиятельным лицам главный герой часто сравнивается с лицом, к которому обращено посвящение; здесь автор и главный герой едины для Кострова в лице Оссиана – который во всем подобен Суворову: “Врагъ лести, пышности и роскоши лѣнливой, / Заслугамъ Судія неложной и правдивой”. Этика борьбы с праздноностью и пышностью

¹⁴ И не последняя, посвященная Суворову: в 1794 г. Костров посвятит ему *Эпистолу* [...] на взятие Варшавы.

не может не напомнить *Фелицу* (стоит отметить, что и в карьере Кострова имеется свое посвящение Екатерине – перевода *Илиады*¹⁵).

В случае с Суворовым действительно исповедовавшаяся им этика добровольной аскезы напоминала современникам и потомкам не только риторическую позу, принятую императрицей в начале царствования, но и этический идеал масонства.

Хранящаяся в той же Тургеневской библиотеке книга Т. Бакуниной-Осоргиной *Знаменитые русские масоны* открывается главой, которая так и называется – *Суворов* (Бакунина 1935, 13).

3. *Оссиан – бард и вольный каменщик?*

Т. А. Бакунина-Осоргина (1904-1995)¹⁶ – директор и председатель Ассоциации Тургеневской библиотеки – на протяжении нескольких десятилетий играла ключевую роль в деятельности библиотеки и во многом определила ее облик при послевоенном воссоздании. Внучатая племянница революционера М. Бакунина, она получила историческое образование в Москве и в Париже, куда она бежала в начале двадцатых годов и где стала супругой писателя М. А. Осоргина – руководившего несколькими ложами русских эмигрантов.

Говоря о Суворове, она упоминает “тот внутренний храм, который он себе создал в противовес окружавшей его обстановке и который тщательно оберегал от постороннего взора” (Бакунина 1935, 13). Данные, на которые она опирается, чтобы обосновать принадлежность Суворова к масонскому движению, очень слабы: “Один из его биографов упоминает о существовании известий, будто Суворов посещал прусские масонские ложи. Автор допускает такую возможность в виду любознательности Суворова, но сомневается в том, что сам он когда-либо был масоном. Высказанное автором сомнение лишено всякой основательности” (Бакунина 1935, 15). Известия, упомянутые одним из биографов, который сам к тому же сомневается в верности своих данных, – тоже слишком шаткое основание, чтобы с уверенностью говорить о вхождении Суворова в систему масонских лож.

Принадлежность Суворова к системе масонских лож – вопрос дискуссионный. В 2019 г. наиболее авторитетный на сегодня исследователь русского масонства А. И. Серков сообщил о важной архивной находке, сделанной им в Отделе рукописей РГБ, где он тогда работал: протоколы заседаний масонской ложи в Кёнигсберге (ОР РГБ. Ф. 943 [Калининград. Коллекция]. Ед. хр. 61. 181 л.). На лл. 21-28 этого документа многократно упоминается Суворов:

В протоколах кёнигсбергских масонов зафиксировано, что мастер петербургской ложи Трех звезд подполковник Александр Суворов первоначально как посетитель с 25 января 1761 г., а с 5 марта 1761 г. уже как действительный член

¹⁵ А также хвалебное стихотворное *Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевны Киргизкайсацкой*.

¹⁶ См. о ней, напр.: Мнухин 2010, 365–366; Шаховской 2012.

постоянно участвует в заседаниях ложи Трех корон [...]. При этом в 1761 г. происходит его посвящение в Кёнигсберге и в высшие, “шотландские” степени. Вплоть до начала 1762 г. А. В. Суворов активно принимает участие в работах ложи [...] и рекомендовал к посвящению в масонство ряд лиц (Серков 2019, 44).

Исследователь сообщает, что “сохранившийся документ окончательно решает вопрос о масонстве будущего фельдмаршала” (Серков 2019, 44) – то есть признает, что прочие свидетельства все-таки были не безоговорочно убедительными.

До появления этого доклада вопрос оставался открытым, несмотря на то, что еще в 2001 г. Серков включил Суворова в свой словарь *Русское масонство* (Серков 2001, 776–777). В статье, посвященной Суворову, Серков указывает, что тот был посвящен в Санкт-Петербурге в ложу “Трех звезд”. При этом самой ложи “Трех звезд” в словаре нет. В кратком перечне масонов по ложам Суворов числится в разделе “Члены иностранных масонских лож” в сопровождении следующей информации: “25.11.1761 возведен в шотландские степени в ложе Трех корон (Кенигсберг), ее член и в начале 1762 г. С 16.3.1761 член ложи Трех глобусов (Берлин)” (Серков 2001, 994). Эта информация заимствована полностью из той самой главы, посвященной Суворову, в книге Бакуниной-Осоргиной. Свой источник информации она указывает так: “Этими сведениями я обязана лицу, имевшему доступ в архив ложи ‘Три глобуса’ в Берлине” (Бакунина 1935, 17). Здесь же она сама высказывает сомнения в существовании ложи “Трех звезд”¹⁷. Об этой ложе нет никаких сведений и по сей день.

Гипотезу о том, что могло заставить будущего генералиссимуса представиться членом несуществующей ложи, высказал Вячеслав Лопатин (Лопатин 2003)¹⁸: на это его подтолкнул, по всей видимости, отец, “[з]наток финансов и специалист по тайным розыскным делам”, незадолго до этого ставший генерал-губернатором Восточной Пруссии, знавший о важной роли масонского движения в политической жизни региона. “Резонно предположить, что новому генерал-губернатору хотелось познакомиться с настроениями кенигсбергских вольных каменщиков. Приехавший на побывку сын как нельзя больше подходил для этого. Александр Васильевич прекрасно владел немецким языком, имел большой опыт военной службы и знал толк в разведке. 16 (27) января 1761 г. Суворов-младший посетил ложу “К трем коронам”. Подполковник сослался на свою принадлежность к петербургской ложе “Три звезды”. Прусские масоны не стали требовать формальных доказательств от сына самого генерал-губернатора и сразу возвели его в пятую степень” (Лопатин 2003).

Даже если соображения В. Лопатина и неверны – полностью или частично, – стоит отметить, что это единственная на данный момент гипотеза в отношении загадочной ложи “Трех звезд”. Кроме того, она объяснила бы полное отсутствие сведений об

¹⁷ “В ‘хронологическом указателе русских лож’, помещенном в книге А.Н. Пыпина, ложа ‘Aux Trois Etoiles’ не упоминается. Значит ли это, что название приведено не точно, или ложу следует считать ранее неизвестной?” (Бакунина 1935, 17).

¹⁸ Место публикации указанной статьи занимает промежуточную позицию между исследовательской и популярной печатью, а тон и риторику статьи сложно назвать приемлемыми; что показывает, впрочем, что *суворовский вопрос* требует дальнейшего, более академического, изучения, но не отменяет его значимости.

участии Суворова в масонских ложах до 1761 и после 1762 г. (разумеется, этому со временем могут быть найдены и другие объяснения).

Итак, на сегодня более-менее достоверно устанавливается причастность Суворова к системе масонских лож в период 1761-1762 гг. Интересно, что эти даты совпадают с моментом публикации первых книг *Оссиана* – правда, на 30 лет предварают дату публикации костровского перевода.

Герой следующей главы той же книги Бакуниной-Осоргиной – писатель М. Херасков – к масонам принадлежал несомненно и, вероятно, вступил в ложу позже, чем Суворов, – с 1773 г. (дата его посвящения в мастера ложи “Гарпократ”)¹⁹. Херасков покровительствовал Кострову²⁰: есть позднее (и ненадежное) свидетельство Пушкина о том, что Костров ближе к концу жизни “несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться” (Пушкин 1978, 76); кроме того, он ценил стихотворческие таланты Кострова еще со времени его учебы в университете.

И Херасков, и Костров близко сходятся с Новиковым: последний заказывает Кострову перевод *Золотого осла* Апулея и публикует его (под заглавием, отражающим мистическое прочтением масонами этого романа: *Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел*, Костров 1780).

Связи Карамзина с Новиковым – в том числе издательские – тоже хорошо известны. В более широком смысле известна также и связь с масонством русского сентиментализма²¹.

4. Заключение: книга как инструмент и объект

Итак, нити, связывающие перевод Кострова с масонским движением, весьма многочисленны. В этом смысле читательскую помету на экземпляре его *Оссиана* можно считать исторически обоснованной. Однако же, 1792 год – момент публикации книги – никак не является моментом зарождения масонства в России, как о том говорится в помете. Напротив, это год, когда Новикова заточают в крепость по подозрению в масонском заговоре, – то есть дата начала не самого масонского движения, а гонений на него²².

Неясно, можно ли трактовать эту анонимную помету как свидетельство аполонии масонства (где начало гонений может восприниматься как возвышающее мученичество) или его неприятия (и тогда с удовольствием отмечается факт первого официального объявления о существовании заговора).

Тем не менее, эта надпись несомненно означает, что чтение костровского *Оссиана* – первого более-менее полного перевода написанного Макферсоном цикла – могло

¹⁹ См. об этом, например, в Кочеткова 2010, 353; Серков 2001-2, 851; Пиксанов 1947.

²⁰ Что, конечно, не значит, что Костров был масоном: в опубликованных Серковым материалах его имя нигде не значится.

²¹ См. об этом, напр., Кочеткова 2002.

²² История масонофобии в Российской Империи, конечно, старше начала официальных гонений: Дуглас Смит (Смит 2005, 80; Смит 2006, 129) вслед за Пыпиным (Пыпин 1916, 97) относит первые ее проявления к 1750-1760-м гг. Однако настоящие репрессии начинаются только в 1792 г.

проходить через оптику появления этого текста в тесной связи с масонским движением. Это открывает новое интересное направление в оссианических исследованиях: насколько мне известно, о масонской рецепции *Оссиана* еще ничего не написано (ни относительно русскоязычной рецепции Оссиана, ни в целом).

В пользу того, что такое направление должно быть открыто, говорит еще и следующее соображение историка русскоязычной оссианистики Ю. Левина:

Примечательное свидетельство содержится в письме М. Н. Муравьева к отцу от 15 августа того же года [1777], где он сообщал из Петербурга, что встретил на обеде у М. М. Хераскова княжну Е. С. Урусову, которая “хочет перевести в наш журнал небольшие отрывки поэм, переведенных на французский с древнего галлического языка в Шотландии”. “Наш журнал” — это, очевидно, масонский “Утренний свет”, издававшийся Н. И. Новиковым в 1777—1780 гг.; М. Н. Муравьев и М. М. Херасков были его ближайшими сотрудниками (Левин 1980, 21-22).

Если бы княжна Урусова все-таки перевела эти отрывки – первым русскоязычным переводом *Оссиана* стал бы перевод, выполненный женщиной²³. В любом случае, это свидетельство Муравьева еще раз указывает на то, что в масонской среде интерес к *Оссиану* существовал уже в 1777 г. (то есть сразу после выхода перевода Летурнера²⁴).

Военная рецепция оссианических поэм более известна. То, что перевод 1792 года в нее сознательно включен самим Костровым, подтверждает гипотезу о том, что книга, вероятнее всего, циркулировала в белогвардейской среде в начале двадцатых годов²⁵.

В качестве необязательного послесловия следует заметить, что пристрастный читатель нашелся и у книги Т. А. Бакуниной-Осоргиной, посвященной масонскому движению. Она во множестве мест подчеркнута шариковой ручкой, кое-где проставлен знак вопроса, а в предисловии, напротив фразы “исчерпывающего исторического труда по русскому масонству вообще не существует” (1935, 7) отчетливо читается помета “вранье”²⁶.

²³ Единственная женщина, поработавшая над переводами оссианических поэм, – соавтор книги *Carthon, poème, traduit de l'anglais par François-Louis-Claude Marin et Anne-Charlotte de Crussol-Florensac, duchesse d'Aiguillon*, s.i., Londres 1762. Придворная дама при Людовике XV, она держала свой литературный салон и близко общалась с Монтескье.

²⁴ Мы не знаем, в каком месяце вышел перевод Летурнера: королевское разрешение на печать, которое иногда позволяет установить дату более точно, выдано в 1775 году. С момента выдачи разрешения до выхода книги в печать (в выходных данных стоит 1777 г.) прошло немало времени. То, что она вышла ранее 15 августа и вскоре поступила в Россию (в книжные лавки или в частные руки, в том числе в руки Урусовой), – вполне вероятно, учитывая всеевропейскую популярность как оригинала, так и самого перевода.

²⁵ Инвентарные тетради Тургеневской библиотеки следующим образом описывают происхождение книги: “неизвестный из St. Raphael” (инвентарь 18, запись 24815). Даты не стоит, но, судя по соседним датированным записям, речь идет о конце 60-х. В Париж книга попала, таким образом, пройдя через юг Франции.

²⁶ Мы не знаем, кому принадлежит помета, но, по крайней мере, как показывает сравнение почерков, – не Н. Берберовой (главный оппонент Бакуниной-Осоргиной по масонскому вопросу).

Библиография

- Бакунина [Осоргина], Татьяна. 1935. *Знаменитые русские масоны*. Париж: б. и.
- Вышеславцев, Михаил, пер. 1798-1799. “Минвана. Отрывок из поэмы Оссиановой.” *Аониды*, III, 307–311.
- Гладкова, Татьяна, Татьяна Осоргина, под ред. 2012. *Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева = La Bibliothèque russe Tourguènev a Paris: сотрудники, друзья, почитатели: сборник статей* [Изд. дополненное, репринт издания Paris 1987]. Санкт-Петербург: Благотворительный культурный фонд “Петербург и зарубежье”.
- Дмитриев, Александр. 1788. *Поэмы древних бардов*. Санкт-Петербург: На иждивении П. Богдановича.
- Дмитриев, Иван. 1791. “Любовь и дружество.” *Московский Журнал*, III-3-сент: 227–238.
- [Ильин, Иван]. 2004. *И. А. Ильин: pro et contra*, Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Кайсаров, Петр, пер. 1797. “К луе (Отрывок из Оссиана).” *Аониды* II: 279–280.
- Капнист, Василий, пер. 1796. “Гимн к Солнцу слепого старца Оссиана.” *Аониды* I: 127–130.
- [Картон]. 1791. “Картон, поэма барда Оссиана. Перевод с английского [Н. М. Карамзина].” *Московский Журнал*, II-2-май: 120–147.
- Костров, Ермил. 1972. “К бабочке.” В *Поэты XVIII века, т. 2*, Ленинград: Советский писатель.
- Костров, Ермил, пер. 1780. *Луция Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой осел*. Москва: Типография Н. Новикова.
- Костров, Ермил, пер. 1787. *Гомерова Илиада переведенная Ермилом Костровым*. Во градѣ С. Петра.
- Костров, Ермил, пер. 1792. *Оссиан, сын Фингалов, бард третьяго века: Гальския стихотворения*. Москва: в Университетской типографии, у В. Огорокова.
- Кочеткова, Наталья. 2010. “Херасков, Михаил Матвеевич.” В *Словарь русских писателей XVIII в. Т. 3*, под ред. Александра Панченко, 344–361. Санкт-Петербург: Наука.
- Левин, Юрий. 1980. *Оссиан в русской литературе, конец XVIII – первая треть XIX века*. Ленинград: Наука.
- Лопатин, Вячеслав. 2003. “Был ли генералиссимус А. Суворов масоном?” *История*, 42/714 и 43/715. Эл. версия: <https://his.1sept.ru/2003/42/4.htm>, <https://his.1sept.ru/2003/43/4.htm> – последнее обращение 2 ноября 2022.
- Мнухин, Лев, Мари Авриль, Вероника Лосская. 2010. *Российское зарубежье во Франции: 1919-2000. Биографический словарь в 3-х тт. Т. 2: А-Р*. Москва: Наука – Дом-музей Марины Цветаевой.
- Олесич, Нинель, под ред. 2014. *Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева — перекресток духовной жизни России и Франции = La Bibliothèque publique russe I.S. Tourguènev — l'intersection de la vie spirituelle de la Russie et de la France*. Санкт-Петербург: Знаменитые университеты.
- Пиксанов, Николай. 1947. “Масонская литература.” В *История русской литературы: [В 10 т.]. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2*, под ред. Григория Гуковского и Василия Десницкого, 51–84. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Пушкин, Александр. 1978. *Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза*. Текст проверен проф. Б. В. Томашевским; примеч. составлены проф. Л. Б. Модзалевским. Ленинград: Наука.
- Пыпин, Александр. 1916. *Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в.* Петроград: Огни.

- [Сельмские песни]. 1791. “Сельмские песни. Из творений Оссиановых.” *Московский Журнал*, III-2-авг., 134–149.
- Серков, Андрей. 2019. “А. В. Суворов и масоны в Кёнигсберге (по материалам отдела рукописей Российской государственной библиотеки).” В *Румянцевские чтения – 2019: материалы Международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2019)*. Ч. 3, 42–46. Москва: Пашков дом.
- Серков, Андрей. 2001. *Русское масонство: 1731-2000*. Москва: РОССПЭН.
- Смирнов, Николай (Даурец Номохон, псевд.). 1795. “Морна. (Отрывок из Оссиана).” *Приятное и полезное препровождение времени*, V, 385–388.
- Смит, Дуглас. 2006. *Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке*. Москва: Новое литературное обозрение [оригинал: D. Smith, Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-century Russia, Northern Illinois University Press, DeKalb 1999].
- Смит, Дуглас. 2005. “У истоков русской масонофобии.” В *Образ врага*, 80–101. Москва: ОГИ
- Шаховской, Дмитрий. 2012. “Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина.” В *Русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева = La Bibliothèque russe Tourguènev a Paris: collaborateurs, друзья, почитатели: сборник статей [Изд. дополненное, репринт издания Paris 1987]*, 81–88. Санкт-Петербург: Благотворительный культурный фонд «Петербург и зарубежье».
- Cesarotti, Melchior, trad. 1763. *Poesie di Ossian ... ultimamente scoperte e tradotte in prosa inglese da Jacopo Macpherson e da quella trasportate in verso Italiano dall'ab. Melchior Cesarotti*. Padova: appresso Giuseppe Comino.
- [Choix]. 1771. *Choix de contes et de poésies erses*. S. l.: Le Jay.
- Goralka, Robin. 2019 *The Death of Malvina: Suicide, Gender and Nationalism in the French Reception of the Ossian Poems*. S. l.: UC Santa Cruz.
- Grimstead, Patricia. 2003. *The Odyssey of the Turgenev Library from Paris, 1940-2002. Books as Victims and Trophies of War*. Amsterdam: International Institute of Social History.
- Kochetkova, Natalia. 2002. “Le sentimentalisme russe et la franc-maçonnerie.” [trad. fr. Jean Breuillard], *Revue des Études Slaves*, 74-4: 689–700.
- Le Tourneur, Pierre-Prime-Félicien, trad. 1777. *Poésies galliques*. Paris: Musier.
- Moore, Dafydd. 2000. “Heroic Incoherence in James Macpherson’s *The Poems of Ossian*.” *Eighteenth-Century Studies* 34-1: 43–59.
- Shields, Juliet. “Reviving Ossian’s Female Corpses: Mourners and Warriors in The Poems of Ossian.” *Journal for Eighteenth-Century Studies*, 39-2: 211–221.
- Schmidt, Wolf Gerhard. 2003. Homer des Nordens und Mutter der Romantik: *James Macphersons Ossian und seine Rezeption in der deutschsprachigen Literatur*. S. l.: Walter de Gruyter.
- Tombo, Rudolf. 1901. *Ossian in Germany: bibliography, general survey. Ossian’s influence upon Klopstock and the bards*. New York: Columbia University Press.
- Van Tieghem, Paul. 1917. *Ossian en France*. Paris: Rieder.